

Мартусин 10 / 1984

21 АВГ 1984

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

БЕСЕДА О МАСТЕРСТВЕ

Юрий Марусин,
народный артист РСФСР:

МНЕ ПОМОГЛИ МНОГИЕ

— Юрий Михайлович, как вы сами определили, чем для вас является опера, оперный театр?

— Опера, мне думается, и самый сложный вид музыкального искусства. Не только потому, что в ней сочетаются музыка, пение, живопись и другие искусства. Но прежде всего потому, что в опере необходимо средствами музыки и театра эмоционально потрясти зрителя-слушателя, а нам, певцам, средствами голоса, пения, вокально-сценического мастерства увлечь эту самую разнородную слушательскую аудиторию, сделать ее сопричастной действию, заразить переживаниями и состоянием героев. А это очень трудно, тем более что многие люди не могут до конца понять и принять условную природу оперного жанра. Для того чтобы преодолеть эту условность, надо петь всегда с полной отдачей и при этом выразительно, эмоционально, активно.

Сейчас опера стремится приблизиться к драме, быть реальнее, психологически точнее воспроизводить в музыкально-сценическом решении жизненные коллизии. Все это сказывается и на певческой манере, и в пластическом претворении оперного образа. Пение становится более динамичным, экспрессивным, глубоким и выразительным.

Что касается личного восприятия оперного спектакля, то певцу, мне думается, невозможно воспринимать его как обычного зрителю. Всегда следишь за исполнением с чисто профессиональной стороны — как звучит голос, как преодолеваются те или иные трудности.

Когда пою сам, то стараюсь контролировать себя, хотя иногда захватывает сила переживаний, красота произведения и испытываешь огромное наслаждение от сознания, что доносишь до людей великую музыку.

— Как вы стали певцом? Какие ощущения, события, жизненные обстоятельства утвердили вас в стремлении посвятить себя пению, опере?

— Мне кажется, это тот случай, когда не я выбирал профессию, а профессия выбрала меня. Я мечтал стать кем угодно — геологом, врачом, военным — только не певцом, хотя с детства полюбил музыку и пение и еще до школы выступал солистом взрослого хора Дворца культуры на родине в Кизеле — уральском шахтерском городе. Очень любил народную песню, которой меня увлек великий мастер Сергей Лемешев.

Когда стал постарше, пение забросил. И только в армии вдруг снова ощутил страстную потребность петь. Я был откомандирован в ансамбль песни и пляски Северо-Западного пограничного округа, а затем поступил в Ленинградскую консерваторию имени Н. А. Римского-Корсакова в класс профессора Е. Г. Ольховского. Потом была работа в Ленинградском академическом Малом театре оперы и балета, успех на XXVII Международном конкурсе имени Вьетти в Верчелли (Италия) в 1977 году и на XIII Международном конкурсе-фестивале имени Кати Поповой в Болгарии в 1978 году, стажировка в Музыкальном центре по совершенствованию певцов при миланском театре «Ла Скала».

В Италию я ехал с радостным чувством предстоящей встречи с замечательным искусством этой страны — родины великих композиторов, художников, артистов. Занятия проходили ежедневно в течение двух-трех часов. Должен отметить, что педагоги не тратили время на то, что получалось хорошо, а занимались тем, чего еще недостает тому или иному певцу. Большое внимание уделялось кантатине, упражнениям по школе Гарсиа. Что касается вокальных занятий, то они строились сугубо индивидуально, нестереотипно.

При прохождении оперных партий основной упор делался на бережное сохранение исполнительские традиции бельканто, типично итальянскую манеру пения. Занятия по вокалу вела Джина Чинья — знаменитая певица 30-х годов. Ра-

творчество солиста Ленинградского академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова, народного артиста РСФСР Юрия Марусина снискало широкое признание у любителей вокала. У него голос редкой красоты, как говорят некоторые — «солнечный». Ежегодно на протяжении последних лет выступает Марусин на сцене миланского театра «Ла Скала», первым из советских певцов удостоившись звания лучшего певца сезона и Золотой медали Верди — Тосканини.

Постоянно растет созданная артистом на разных сценах галерея оперных образов — Ленский, Герман («Евгений Онегин» и «Пиковая дама» Чайковского), Грицько («Сорочинская ярмарка» М. Мусоргского), Габриэль («Симон Боканегра» Д. Верди), Ринуччо («Джанни Скинки» Д. Пуччини), Эдгар («Лючия ди Ламмермур» Г. Доницетти), Вертер («Вертер» Массне). Недавно вышел диск Марусина, на котором записаны арии из опер русских и зарубежных композиторов. Искусство певца пользуется широкой популярностью и любовью. Сегодня мы беседуем с Юрием Марусиным об оперном искусстве, о проблемах вокального исполнительского мастерства.

зучиванием оперных партий занимались маэстро Р. Пасторини, у которого в свое время брали уроки М. Дель Монако и Ф. Корелли, и маэстро А. Бельтрами, аккомпанировавший М. Каллас, Р. Тибальди, Дж. Ди Стефано. Их отличали высочайшее пианистическое мастерство, глубокое понимание специфических вокальных проблем, обаяние, деликатность, такт и терпение. Все это делало уроки увлекательными и продуктивными. С сентября по июнь мы прошли по-итальянски партии Герцога, Рудольфа, Каварадосси, Пинкертон, целый ряд арий, песен и романсов.

— Какими, на ваш взгляд, качествами должен обладать педагог-вокалист?

— Педагог по вокалу — это тот, кто своими навыками, умением заставляет ученика искать в самом себе идеал звука, побуждает его аналитически мыслить, работать и искать. В то же время нельзя, мне думается, с начинающим певцом разговаривать так же, как с более опытным. Он еще много не понимает, не контролирует себя, и ему надо объяснять все просто и грамотно. Главное указать, если он нашел правильный, красивый звук: «Вот это звучит хорошо, запомни, закрепи это ощущение...»

Нельзя, я думаю, учить только «с голоса». В то же время в нашем искусстве иногда важнее подсказать, чего нельзя делать...

Мне очень повезло с педагогом. Е. Г. Ольховский, известный в прошлом баритон, выступавший со многими выдающимися певцами, был многоопытным, умным, проницательным и тактичным педагогом-наставником. Он не форсировал события, внимательно и индивидуально подходил к каждому ученику, заставлял самостоятельно и упорно добиваться поставленной цели.

— Недавно вы вновь побывали в Италии в составе труппы Ленинградского академического Малого театра оперы и балета...

— Да, впервые за свою историю оперная труппа Малого театра выехала в зарубежную гастрольную поездку в Италию. Мы повезли спектакль «Пиковая дама». Я был приглашен как солист, проработавший в этом театре несколько лет, и как участник премьеры. Поездка была интересной. Мы выступили в Палермо и в городах Реджо-нель-Эмилия и Модена, известных своими богатыми музыкальными традициями и прекрасными оперными театрами. Всем нам было очень радостно сознавать, что Италия овациями встретила русскую музыку, русских музыкантов и певцов.

— Скажите, Юрий Михайлович, какие качества певца вы считаете самыми главными?

— Первое — сила воли, второе — работоспособность. Может быть, на первое место следовало бы поставить голос, вокальные данные, но ведь часто бывает, что певец со скромными вокальными данными, создавая это, именно благодаря своей работоспособности достигает выдающихся результатов, а одаренный певец, уповавший на свой голос, перестает работать, что неминуемо ведет к снижению творческих критериев и увяданию таланта. Что касается работоспособности, то красивый звук случайно не извлекается. Именно поэтому, как боксер-чемпион систематически тренирует свои руки и ноги, так и певец должен каждодневно работать.

— Это спортивное сравнение — случайность?

— По всей вероятности, нет. В армии я очень любил заниматься спортом, у меня первые разряды по лыжам, стрельбе, по футболу... Может быть, поэтому до сих пор сохранил форму.

— Что вы вкладываете в такие понятия, как профессионализм, мастерство?

— У каждого голоса, у каждого певца есть свои проблемы. У теноров — обычно проблемы верхних нот, у баритонов — переходные ноты, у меццо-сопрано — тембровая пестрота регистров... Профессионализм, мастерство — это та степень владения инструментом

голосом, когда слушатель не ощущает стоящих перед исполнителем художественных, технических, физиологических проблем, когда сам чувствуешь, что не в лучшей форме, а слушатель этого не ощущает.

Я хочу сказать, что не овладел еще мастерством в той степени, в какой бы мне хотелось, но я знаю, над чем надо работать. В искусстве нет предела совершенству.

— В вашем концертном репертуаре представлены романсы и песни Глинки, Мусоргского, Чайковского, Римского-Корсакова, Свиридова. И все же не думаете ли вы, что могли бы больше сделать для популяризации романсового творчества таких композиторов, как Аренский, Балакирев, Бородин, Кюи, Рубинштейн, Танеев, Глазунов, и других?

Камерные вечера русского классического романса очень интересны в творческом отношении. Русский романс, как никакой другой, развивает певца. Об этом говорил еще Собинов. Находишь краски, оттенки, манеру звуковедения, более тонко и глубоко передающие характер переживаний и оказывающие влияние и на оперные образы.

Но, мне кажется, здесь проблема не в одном только пении. Важно, как относятся к ней и средства массовой информации — радио, телевидение, студии звукозаписи. Мне, например, фирма «Мелодия» предложила подготовить диск романсов Римского-Корсакова. Мы с концертмейстером Е. Матусовской подготовили более 20 романсов, но «Мелодия», очевидно, передумала. Многие завист и от руководителей филармоний, которые могли бы регулярно проводить монографические циклы, посвященные романсовому творчеству русских и советских композиторов.

— Чье творческое, художественное, просто человеческое влияние вы испытывали на пути к мастерству? Кого могли бы назвать своими наставниками в искусстве?

— Мне помогли многие люди, и я очень им благодарен. Я уже рассказывал о моем педагоге Евгении Григорьевиче Ольховском. Я очень любил и люблю искусство Сергея Яковлевича Лемешева, которое всегда было для меня недостижимым художественным эталоном, мерилом вдохновенного и выразительного пения. Лемешев научил меня любить народную песню, романс, оперу. И я чрезвычайно благодарен ему, что он обратил на меня внимание, следил за моим развитием, и в редких, к сожалению, встречах с ним я получал огромный творческий заряд. Это так важно, когда за молодым певцом наблюдает и поддерживает его великий артист.

Хочу с благодарностью назвать Евгения Евгеньевича Нестеренко, который так помог мне при подготовке к моему первому международному конкурсу в Италии, где советские певцы впервые принимали участие. Он же напутствовал меня и на дебют в «Ла Скала», где гастролировал сам в это время, Клаудио Аббадо — замечательнейший дирижер «Ла Скала». Он научил меня «жить в паузах», заполнять их действием и состоянием, ни на минуту не выходя из образа, обусловленного музыкальной драматургией спектакля.

Очень ценно внимание Георгия Васильевича Свиридова, который открыл мне новые грани художественного и человеческого общения, горячо заинтересовал меня своим творчеством.

Я счастлив, что судьба свела меня с Юрием Хатуевичем Темиргановым. Он опекал и покорил меня глубоким знанием не только музыкальных, но и чисто певческих проблем технологии, я ему верю и работаю с ним с огромным наслаждением.

— Каковы ваши планы?

— Сейчас у меня нет недостатка в работе: в операх исполняю партии Вертера, Германа, Лозангрин, Альваро, готовлю концертные программы в том числе из камерных произведений, и цикл вокальных сочинений Свиридова. Хотелось бы петь долго и хорошо.

Беседу вел
Г. ШВИРЕВ.